

САМЫЙ БОГАТЫЙ ПЕЩЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

История Дага Батчелора
в изложении Мэрилин Такер

Издательство
«Источник жизни»
2010

УДК 283/289
ББК 86.376
Б28

Батчелор Д.
Б28 Самый богатый пещерный человек : Пер. с англ. — Заок-
ский: «Источник жизни», 2010. — 160 с.

ISBN 978-5-86847-699-0

УДК 283/289
ББК 86.37

ISBN 978-5-86847-699-0

© Перевод на русский язык, оформление.
Издательство «Источник жизни», 2010

Уйти с триумфом

Я сидел на краешке своей кровати, закрыв лицо руками. Плакал я редко, но на этот раз меня словно прорвало: слезы текли по щекам и просачивались между пальцами. С первого школьного дня я всегда участвовал в драках и вот снова попал в переделку. «Неужели, — подумалось мне, — так и не выйдет из меня ничего путного?» Видимо, у меня просто не хватало сил себя сдерживать.

Будь мама дома, мы, наверное, обсудили бы все вместе. Но в тот вечер ее не было. После развода она работала полный рабочий день и не успевала заниматься мной и братом. По вечерам мама либо уходила к друзьям, либо устраивала вечеринки у нас. Мы редко бывали втроем дома, в маминой квартире в Нью-Йорке. К тому же недавно мой брат, Фалькон, мой лучший друг и злейший враг, переехал к отцу во Флориду. У Фалькона кистозный фиброз, и ему необходим мягкий климат. И вот теперь, когда мне так необходимо, чтобы рядом был кто-то любящий, кто-то, кому небезразлично, что со мной происходит, именно в этот момент я один в совершенно пустой квартире.

Я думал о маме. У нее много друзей, в основном актеры, писатели, музыканты. Благодаря своему таланту и красоте она всегда была королевой вечеринок. Шоу-бизнес манил ее, как огонь бабочку, и, насколько помню, она всегда работала в этой сфере. После того как мама сочинила песни

для Элвиса Пресли, ее карьера очень быстро пошла в гору. Она писала мюзиклы для телевидения и театра, исполняла эпизодические роли в фильмах и была кинокритиком.

Когда наступали летние каникулы, мама иногда брала нас с Фальконом к себе на работу, и мы, дети, наслаждались вниманием кинозвезд. В перерывах между записями они подходили к нам поболтать и рассказать пару шуток. Они были такими забавными!

Но что-то в этих необыкновенных, талантливых людях меня настораживало. Когда я подрос и стал больше понимать, то заметил, что среди них было пугающе много гомосексуалистов. К тому же нередко они принимали наркотики или пили, а порой имели оба этих пристрастия и были несчастны. «Зачем они так много трудятся, добиваясь известности, если это делает их такими?» — удивлялся я.

Не знаю, замечала ли это мама, но она никогда не говорила о таких вещах. Для нее в первую очередь была важна увлекательность. Когда у нас дома устраивали вечеринки, гости хотели только одного — поболтать да покурить гашиш или марихуану. Они делали всякие глупости — например, тыкали друг другу в спину косточками — и смеялись над своими же глупыми шутками. Некоторые из них потеряли всякую связь с реальностью! Они то погружались в себя, то возвращались к действительности и казались настолько странными и одинокими, что напоминали привидения.

Одиночество. Как я ненавидел его! Вспоминая прошедший день, я так сильно снова и снова переживал драку, испепеляющий взгляд учителя и то, как меня отчитывал директор, что казался себе ничтожнее таракана. Кто я и откуда взялся? Почему я здесь? Эти вопросы были не новы для меня. Я часто задумывался над ними, глядя на свое отражение в зеркале. Мне говорили, что человек — всего лишь следующая ступень в процессе эволюции, не более

чем хорошо развитая обезьяна. Но если в этом и заключается жизнь, почему бы не свести с ней счеты?

Умирать было не страшно, ведь после смерти человек просто сгнивает, превращаясь в удобрение, по крайней мере, так нас учили. Все просто.

Я решил принять упаковку снотворного и лечь в постель, чтобы никогда уже не просыпаться. Недолго думая, поднялся, вытер об штаны мокрые от слез руки и направился в ванную. Открыв дверь шкафчика с лекарствами, я уставился на разные бутылочки, аккуратными рядами расставленные на полочках. В какой же из них снотворное? Мама принимала одну-две таблетки перед сном, но я никогда не обращал внимания, где они хранились. Я стал брать один пузырек за другим и читать этикетки, но нигде не было написано «снотворное». Наконец обнаружилась бутылочка с надписью «Принимать по одной таблетке перед сном. Успокоительное». Тогда мне было тринадцать лет, но это слово мне прежде никогда не встречалось. Я поставил пузырек на место и продолжил поиски, но не нашел ничего подходящего и вернулся к успокоительному. Открутив крышку, высыпал все содержимое бутылочки на ладонь и потянулся за стаканом с водой, но моя рука застыла в воздухе. А вдруг это не снотворное, а, например, таблетки для женщин? Что, если они вызовут какую-нибудь болезнь? Болеть я не хотел, в моей жизни и так было достаточно страданий. Я хотел умереть!

На этикетке больше ничего не было. Я постоял немного, раздумывая, что делать, а потом медленно высыпал таблетки обратно в пузырек. Когда-нибудь найдется более надежный способ лишить себя жизни.

Оглядываясь назад, я удивляюсь, как мог не замечать маминой заботы. Она по-своему выражала любовь — писала музыкальные пьесы для нашего класса и давала мне ведущую роль. Мама много репетировала с нами и даже приду-

мывала костюмы. Для этого ей приходилось отрываться от работы, а это означало, что она теряла в зарплате.

До отъезда Фалькона мы любили проводить время вдвоем: например, смотрели телевизор в гостиной и курили марихуану. Мой брат не мог курить из-за кистозного фиброза, поэтому мама пекла для него печенье, добавляя туда большую порцию марихуаны или гашиша. Гашиш было сложнее найти, потому что он продавался лишь в Турции. Он был у мамы, только когда кто-нибудь из ее друзей привозил, и она добавляла его в печенье для Фалькона. Этим она тоже проявляла свою заботу о нас.

Девичья фамилия мамы была Таршис, что выдавало ее еврейские корни. Бабушка с дедушкой говорили, что мы доводимся какими-то родственниками Савлу из Тарса, но я думаю, что это была шутка. Когда мы переехали в Нью-Йорк, мама обнаружила, что в шоу-бизнесе половина евреев. Она гордилась еврейским происхождением, но не интересовалась религией.

Через несколько недель после той крупной драки выдали табели успеваемости. Я открыл его, дрожа от страха, и быстро просмотрел. Так и знал, оценки — просто ужас! Как показать их маме? Нет сомнения, что она расстроится и станет ругать меня, а может, даже заплачет.

В тот вечер у меня было отвратительное настроение. Мысли опять вернулись к самоубийству. Может, броситься с крыши? Интересно, заперт ли люк? Я поднялся на последний этаж, прошел до конца коридора, повернул ручку люка, и он открылся. Взобравшись на крышу, я подошел к самому краю и посмотрел вниз. Шестнадцать этажей. Снизу был слышен шум улицы: сигналили машины, ревели моторы, где-то вдалеке выла сирена. Люди были так далеко, что казались похожими на муравьев, снующих в спешке туда-сюда.

«Почему все они так суетятся? — спрашивал я себя. — Куда торопятся?» Я знал, что многие из них вертятся, как белка в колесе, стараясь заработать деньги.

Мой папа был богатым человеком — мультимиллионером, хотя и родился не под счастливой звездой. Когда ему было всего семь лет, умер его отец. Будучи старшим из четырех сыновей, он делал все возможное, чтобы помочь прокормить семью, брался за первую попавшуюся работу, например, продавал газеты на улице. Когда его младшие братья немного подросли, стали зарабатывать и вносить свой вклад в семейный бюджет, отец начал самостоятельную жизнь в «зрелом» возрасте шестнадцати лет. Вторая мировая война застала его в авиации.

Демобилизовавшись, он начал заниматься бизнесом. Будучи летчиком, он собрал всю возможную информацию о самолетах. Его острый ум и хорошая деловая хватка помогли ему быстро создать свою собственную империю. В конце концов отец стал обладателем двух авиалиний и многочисленных авиакомпаний. Он так сильно любил полеты, что выбрал имя моему брату в честь реактивного самолета «Фалькон», а меня назвал в честь самолета «Дуглас».

Летать на собственном самолете — любимый вид отдыха моего отца, так же, как и автогонки; за этими занятиями он проводил все свое свободное время, которого было совсем немного. Переехав после развода с мамой во Флориду, он жил на собственном острове, куда попадали только по особому пропуску. Хорошо, что у папы были горничная и лакей, потому что, когда я приезжал в гости, они частенько составляли мне компанию. Каждое утро отец завтракал вместе со мной, но между нами всегда находилась газета. Если я что-нибудь говорил, он иногда опускал ее и отвечал мне, а иногда просто ворчал. Я был мал и не понимал, что в его напряженном графике нет свободного времени, и те несколько минут, которые он выкраивал для утренней газеты, его единственный настоящий отдых. Да, у папы был реактивный самолет, роллс-ройс, охрана и собственная яхта, но он не казался счастливым. Он стал трюдоголиком, потому

что твердо решил больше никогда не испытывать бедности. Часто отцу приходилось работать по шестнадцать часов в день шесть дней в неделю.

Он вырос в баптистской семье, где ему всячески навязывали веру. Конечно, родные и друзья делали это из лучших побуждений, но папа не пожелал иметь ничего общего с религией. Его первая жена и маленький сын погибли в авткатастрофе, и это уничтожило ту крупицу веры, что в нем была. С тех пор отец считал себя агностиком.

Холодный ветер вернул меня из воспоминаний в реальность. Стоя на самом краю крыши, я наклонился вперед, надеясь, что следующий порыв ветра сдует меня, избавив от необходимости собираться с мужеством и прыгать вниз. И в этот момент мне вспомнилась газетная статья о человеке, который упал с восьмого этажа. Он потерял руку и сломал позвоночник, но не умер. А что, если и я не умру? А вдруг я останусь калекой и буду постоянно мучиться от боли? Сама мысль об этом заставила меня содрогнуться!

Но сдерживало и кое-что еще: любопытство. Умерев сегодня, я, возможно, упущу нечто важное, что произойдет завтра. А раз так, то может быть, мне стоит остаться?

Что хорошо в самоубийстве, так это возможность отложить его. Несколько лет спустя я сказал об этом маме, когда она позвонила и сообщила, что собирается покончить с собой. Мои слова спасли ей жизнь.

Я отошел от края крыши и присел подумать. В моем сознании всплыли слова из рекламного ролика: «Вы живете только один раз. Старайтесь взять все от жизни». Мне понравилась эта идея. Я принял решение брать от жизни все и наслаждаться, как только смогу. А когда это надоест, совершу что-нибудь великое. Зачем умирать, приняв снотворное или бросившись с крыши дома, когда можно уйти не с горькими жалобами, а с триумфом?

Военное училище

Едва у меня начинались серьезные неприятности в школе, как мама тут же переводила меня в другую. Так она старалась помочь мне. За девять лет я сменил четырнадцать школ. Если бы только родители поняли, что мое плохое поведение на самом деле было попыткой завоевать их любовь и внимание, все сложилось бы иначе! Но каждый из них был занят прежде всего не детьми, а своей жизнью. Я все время попадал в истории и в конце концов полностью утратил контроль над собой. Чем больше школ я менял, тем хуже учился. Без сомнения, мне не хватало дисциплины и организованности.

Однажды к нам заглянула Милли, мамина подруга.

— Я собираюсь поведать сыновей в военном училище, — сказала она. — Почему бы и тебе не съездить туда со своими детьми? Составишь мне компанию, а мальчикам интересно будет посмотреть училище. Правда, ребята? — обратилась она к нам с Фальконом.

— Конечно, — нехотя ответили мы.

Я помнил, как меня водили на занятия в военное училище Блэк Фокс в Калифорнии. Мне было всего пять лет, и я считался там младшим кадетом. Воспоминания остались довольно приятные, и я решил, что можно посмотреть это училище.

— Это лучшее военное учебное заведение в нашей стране, — с гордостью рассказывала Милли, когда мы уже ехали в машине. — Сюда, в военное училище Нью-Йорка, направляют детей со всего мира.

Даже в самых смелых мечтах я не мог представить себе такую школу. Просторные зеленые лужайки сменяли пестрые клумбы. Каменные здания были увиты плющом. За спортивной площадкой находились футбольное поле с трибуной для зрителей и самый большой крытый бассейн, какой я когда-либо видел. Но больше всего меня поразило огромное спортивное здание. На одной его половине ребята занимались борьбой, а на другой две команды оживленно играли в баскетбол. Я заглянул через боковые двери и увидел, как парни тренируются с боксерскими грушами, играют в настольный теннис, занимаются тяжелой атлетикой и всеми замечательными видами спорта, о которых я только слышал. Все это было так непохоже на огражденные металлической сеткой кирпичные здания, где я учился в Манхэттене. Дорожки там были асфальтированные или цементные, на них не росло ни травинки, и, конечно, не было никаких клумб. Здесь же, помимо всего остального, меня очень впечатлили кадеты в красивой новенькой униформе, занимающиеся строевой подготовкой на плацу.

Может, мне и было сложно себя контролировать, но тупицей я не был и прекрасно понимал — все, что я тут видел, являлось результатом дисциплины, послушания и порядка. Что-то в моем сердце страстно желало именно такой упорядоченности в жизни.

— Мама, я должен здесь учиться! — заявил я, едва мы вернулись домой. — Я все время попадаю в какие-нибудь неприятности и ничего не учу. Это училище — то, что мне нужно!

— Ну, Даг, даже не знаю... — ответила мама. — Это дорого, и я не уверена, что ты вступишь в такую жесткую программу. Там нужно весь день исполнять приказы. Это *военное* училище.

Я не мог упрекнуть ее за такие сомнения. До сих пор у меня действительно ничего не получалось, и кто мог сказать, будет ли иначе на этот раз?

Вечером того же дня мы все сидели перед телевизором и ели мороженое, я и мама курили гашиш, но мои мысли занимало военное училище, и я вновь заговорил с мамой.

— Пожалуйста, мамочка, — умоляюще попросил я, — спроси, что думает папа. Возможно, это мой последний шанс добиться в чем-то успеха.

— И про меня тоже спроси, — добавил Фалькон, когда телепередачу прервала реклама. — Узнай, не сможем ли мы оба учиться там.

Вдруг мамино лицо просияло, и я понял, что ей пришла в голову какая-то идея.

— А давайте обратимся к планшетке для спиритических сеансов! — воскликнула она.

Хотя у мамы не было определенных религиозных убеждений, она была склонна к оккультизму. Многие из ее друзей по шоу-бизнесу увлекались астрологией, хиромантией и спиритическими сеансами. Мама склонилась над планшеткой, а мы с братом для начала задали ей несколько простейших вопросов. Затем все трое осторожно положили кончики пальцев на индикатор, и мама спросила:

— Отправить ли Дага в военное училище?

Мы ждали затаив дыхание. Стрелка медленно повернулась и указала на слово «да». Для меня в этом не было ничего сверхъестественного — я слегка подтолкнул ее.

— Отправить ли Фалькона в военное училище? — задала мама следующий вопрос. Планшетка немного повернулась, а затем медленно переместилась к слову «нет». А потом произошло что-то удивительное — стрелка двинулась по алфавиту, и получилось слово «оружие». Мы переглянулись.

Я знал, что на этот раз никто не помогал ей, и не мог понять, как такое произошло. Однако маму это не обеспокоило. В тот же вечер она позвонила отцу. Не сразу, но все-таки он согласился дать мне возможность попробовать

и обещал выслать деньги, чтобы оплатить эту новую рискованную затею.

В общежитие меня поселили сразу после нового года. Я осторожно разложил свои вещи по ящикам, а рубашки и пальто повесил в шкаф. «Они удивятся, когда увидят такую аккуратность», — удовлетворенно подумал я.

Но я даже не представлял, как сильно ошибался. Для каждого предмета было свое место, и каждая вещь обязана быть именно там, где положено. Существовали правила о том, где и в каком порядке должна висеть одежда, а также правила о том, как и куда складывать свои книги. Были даже правила, определявшие, каким именно образом должно быть сложено наше нижнее белье и в каком ящике лежать!

При любом удобном случае новичков вроде меня высмеивали. Нас часто останавливали в коридоре те, у кого были погоны, и заставляли стоять перед ними по стойке смирно, изо всех сил выпятив подбородок, и повторять: «Новичок — это отброс общества, сэр». Причем слово «сэр» нужно было повторять после каждого слова: «Новичок, сэр, — это, сэр, отброс, сэр, общества, сэр». И все это нужно было произнести прямо в лицо. Если скажешь что-то не так — приходилось повторять снова, что часто и случалось.

Наш день начинался рано — подъем был в шесть утра, и мешкать не стоило. Построение на плацу ровно в шесть тридцать, а до этого нужно обязательно принять душ. Если зимой мы, торопясь на плац, не успевали как следует высушить волосы, они превращались в сосульки прямо на голове. Даже если кадеты задерживались лишь на секунду, это все равно считалось опозданием и влекло за собой соответствующее наказание.

После построения мы спешили убрать в комнатах. Их всегда проверяла специальная комиссия. Если она решала, что убрано недостаточно хорошо, постель ученика сбрасы-

вали с кровати, а в комнате переворачивали все вверх дном, и бедняге приходилось начинать заново. Покрывало должно было быть натянуто так туго, чтобы монетка отскакивала от него. Но обязанность прибираться комнату не оправдывала опоздания. Мы строем ходили в столовую и строем возвращались обратно.

Телесные наказания применялись без раздумий. Проводили их обычно учителя, чаще всего — опытные офицеры. Хорошо помню, как учитель в первый раз велел мне встать и наклониться на парту. Он снял свой армейский ремень с металлическими кольцами и стал лупить меня по мягкому месту. От первого удара я вскрикнул, подскочил вместе со своей партией и врезался в две другие. Класс взорвался смехом. Мне было всего одиннадцать, а учитель, наказывая меня, повторял: «Теперь ты мужчина». Первое время я плакал, звонил домой и жаловался, но быстро отучился это делать, потому что тех, кто так себя вел, школа поднимала на смех.

Не всегда били именно ремнем. Иногда таскали за волосы или давали подзатыльник. Хотя все ребята были из богатых семей, офицеры ни с кем не нянчились. Например, к моему другу Рафаэлю Трухильо, сыну диктатора Доминиканской республики, относились в школе, как к простому парню. Мы с ним были хорошими приятелями, и, когда ему сообщили о гибели отца в автокатастрофе в Испании, я поддерживал его.

Больше всего меня раздражало требование посещать церковь по воскресеньям.

— Ты должен выбрать какую-нибудь церковь и посещать ее регулярно, — заявили преподаватели. Конечно, это требовалось для статистики посещаемости.

— Не могу, — отвечал я. — Если я стану посещать только иудейское богослужение, отец будет взбешен, а если одни протестантские собрания, мама придет в ярость.

Конечно, это никому не нравилось, но что они могли поделать? Я поочередно ходил то на иудейское, то на протестантское богослужение. Однажды в воскресенье я посетил католическую церковь, но мне не понравилось, что священник курил сигареты во время богослужения, поэтому я больше не ходил туда.

У меня было весьма нелестное представление о Боге. На католических и протестантских собраниях говорили, в сущности, следующее: если ты хороший, то попадешь на небо, а если плохой, тогда берегись: у Бога есть комната пыток под названием «ад», где ты будешь вечно жариться и покрываться волдырями в кипящей сере. Мне казалось несправедливым, что Создатель будет наказывать сотворенные Им существа всю вечность за грехи, совершенные лишь в течение короткой жизни. Бог казался мне очень жестоким, и я не понимал, как Его можно любить, поэтому потом очень обрадовался, когда узнал, что такое представление об аде не имеет библейского основания.

То лето мы с Фальконом провели в лагере на Карибских островах — плавали под водой с аквалангом, катались на водных лыжах и делали все то, чем обычно занимаются дети в лагерях. Меня укусил ядовитый паук, и это чуть было не стоило мне ноги (в ней началось воспаление), а затем я попытался украсть парусную лодку и сбежать на необитаемый остров. В остальном это было обычное лето. Но даже наслаждаясь такой свободой, я с нетерпением ждал начала нового учебного года в военном училище.

Наступивший год мало чем походил на предыдущий. В первые недели учебы я стал ротным писарем и получил звание сержанта. У каждой роты было всего по одному писарю, и меня просто распирало от гордости, когда я смотрел на новенькие нашивки на своей форме. Теперь я сам отдавал приказы другим кадетам, а не исполнял их. Я печатал отчеты, доставлял бумаги и лекарства и выполнял разные

другие поручения. Эта работа как будто создана была, чтобы привести в порядок мой свободный дух. Теперь я имел законное основание для опозданий и мог ходить где угодно и когда угодно. Но лучше всего было то, что я хорошо себя чувствовал и хорошо делал свою работу.

Родители были трудоголиками, и, подобно им, я старался быть лучше других. Наша комната раз за разом получала первое место за чистоту, и, кроме того, я завоевал медали во многих видах спорта, включая борьбу, футбол и плавание. Оценки быстро улучшались. Впервые в жизни у меня была хорошая успеваемость, и все мои усилия приносили плоды. Мне немало польстила просьба учителей научить других учеников чистить до блеска обувь и пряжки на ремнях. Этот год навсегда остался в моей памяти как один из самых счастливых за весь период учебы. Думаю, что вырос бы разгильдяем, не побывай я в училище.

Но поскольку мы учились в школе для мальчиков, то много думали о девочках. Фактически даже ребята восьми-девяти лет почти ни о чем другом не разговаривали. Уверен, что на самом деле они интересовались ими не так сильно, как притворялись, но им казалось, что так они выглядят настоящими мужчинами.

Вслед за ними и я решил, что девочки для меня — самое главное, но во всем студенческом городке не было ни одной. «Что ж, — решил я, — тогда больше не буду ходить в эту школу. В следующем году пойду туда, где есть девочки!»

Беглец

Это было замечательным: я нырял с аквалангом, катался на водных лыжах и бегал за девчонками. Но в конце августа пришлось возвратиться в Нью-Йорк — мама нашла для меня частную школу под названием «Бентли», где почти все дети были евреями.

Любого парня, который учился в военной школе, девочки считали шикарным. И вот появляюсь я — образцовый кадет, загорелый, уверенный в себе, со спортивной фигурой. Ребята уважали меня за умение драться, но я так жаждал любви и признания, что сразу завел плохие привычки. Сперва начал каждый день красть у мамы по одной сигарете, чтобы можно было вместе с другими ребятами курить перед школой. Потом стал брать по две сигареты в день, чтобы покурить еще и по дороге домой из школы, а вскоре принялся воровать деньги, чтобы покупать сигареты самому.

Я делал все, к чему толкали друзья. Чем безумнее были мои поступки, тем больше на меня обращали внимание. Однажды в Майами я даже прыгнул с моста в залив. Ребята дали мне прозвище — «дикарь». Оценки становились все хуже, в конце концов я полностью утратил контроль над собой и почувствовал себя глубоко несчастным.

Однажды после уроков мы шатались возле автобусной остановки, курили и болтали. Я заметил двух хорошеньких девушек и, желая произвести на них впечатление, выпалил:

— Школа — это так скучно. Здесь не происходит ничего интересного. Наверно, я сбегу отсюда.

Глаза Лу, симпатичной невысокой блондинки, округлились от изумления.

— О нет, Даг! Ты не сможешь. Да и куда ты пойдешь? — обеспокоенно воскликнула она.

— А чем ты будешь зарабатывать себе на жизнь? — спросила бледная, но привлекательная брюнетка.

— Да он не уйдет! Он просто болтает, — подзадоривал Рон. Будучи далеко не ангелом, он завидовал, что все обращают внимание на меня. Я не успел опомниться, как сам себя загнал в угол: не выполнить свои слова означало стать предметом насмешек, чего я не мог вынести.

Ночь я провел без сна, думая, что же теперь делать, а утром стащил у мамы триста долларов и сел на автобус, направляющийся на север, в мои любимые места. Я поставил палатку на одном из холмов возле военной академии и прожил там несколько дней.

Но в этом лесу я с каждым днем чувствовал себя все более одиноко. С холмов были хорошо видны дома, и мне очень захотелось вернуться. В конце концов я сдался и возвратился. Никто не посмел надо мной смеяться. Оглядываясь назад, я удивляюсь, что мог так огорчать родителей, но тогда мне казалось, что никому нет до меня дела, поэтому и я ни о ком не беспокоился.

Тот первый побег зажег во мне жажду настоящего приключения, и я составил новый план: поехать с парой друзей в Мексику и делать там все, что вздумается, а на жизнь зарабатывать, выращивая коноплю. Особенно мне нравился мой друг Дэвид МакЛин, родом из Индии. Его обаяние, приятная внешность и ослепительная улыбка притягивали девушек, как мед пчел. Рядом с ним я чувствовал себя привлекательным, ему нравились мои дерзкие выходки, поэтому мы с ним подружились. Нам

нужна была помощь еще одного человека, но где такого найти?

— Давай позовем Виктора, — предложил Дэвид. — Я слышал, как он говорил что-то о побеге.

— Не знаю... — засомневался я. — Мне кажется, он зануда. Но выбор у нас был небольшой, и в конце концов мы пригласили Виктора. Он с радостью согласился.

— Возьмите с собой паспорта, — сказал я им. — Зачем нам неприятности с мексиканскими властями?

— А где мы возьмем семена, чтобы выращивать коноплю? — поинтересовался Виктор.

— Не беспокойся, — заверил я. — У меня есть приятель, который продаст нам столько семян, что хватит на целую ферму. Проблема в том, как переправить их через границу.

Мы обсудили несколько вариантов, но наконец решили вырезать углубления в Библиях и спрятать там семена. Сначала мне это показалось кощунством, но, поскольку мои друзья считали это прекрасным решением, я заставил свою совесть замолчать.

Все было тщательно продумано и подготовлено, и вот наконец настал день побега.

— Встретимся прямо на вокзале, — предложил я. — Оденьте что-нибудь хорошее и чистое. Если мы будем одеты, как бродяги, нас сразу же засекут.

Но Виктор не послушался. Он заявился в старой куртке, грязной рабочей кепке и рваных джинсах. За спиной у него был узелок с вещами. С таким же успехом он мог бы повесить на грудь огромную табличку с надписью: «Я сбежал!»

Купив билеты, мы стали ждать поезда. В это время появились трое полицейских. Я затаил дыхание. Они прошли мимо нас с Дэвидом, но, окружив Виктора, стали расспрашивать его и вскоре попросили пройти с ними. Мы притворились, будто незнакомы с ним и просто случайно сели рядом.

— Вот это да! Мы чуть не попались. Ты хорошо придумал насчет одежды. Они даже не посмотрели на нас! — возбужденно прошептал Дэвид. Пару часов мы ехали, наслаждаясь свободой, пока в каком-то городке в Пенсильвании несколько полицейских не сели в поезд и не начали медленно идти по нашему вагону.

— Они ищут нас! — шепнул я приятелю. — Давай выйдем через другую дверь.

Но там меня и Дэвида уже поджидали — Виктор выдал полицейским наши планы, имена и приметы. Вскоре мы оказались в камере, где находился десятилетний мальчик, который ради денег убил бейсбольной битой пожилую женщину. От одного его вида у меня мурашки бежали по телу.

Сотрудники отдела по делам несовершеннолетних общались с нами с особой добротой, но, боюсь, я не оценил их старания. Инспектор был христианином и говорил что-то о Боге и Его любви, но я не хотел ничего слушать, потому что имел множество предрассудков, основанных на том, что мои друзья-евреи рассказывали о христианстве.

Через три дня мы вдруг услышали, как поворачивается ключ в замочной скважине. Дверь камеры распахнулась, и перед нами предстали два инспектора.

— Ребята, вы летите домой. Собирайтесь. В аэропорту Нью-Йорка вас встретят ваши мамы и несколько офицеров полиции, так что советуем не делать глупостей.

До этого я был в напряженном ожидании, но теперь вздохнул с облегчением. Конечно, предстоящая встреча с мамой и полицейскими не радовала, но у меня появилась надежда, что подвернется удобный случай этого избежать.

Когда мы сели в самолет, нам вернули деньги и личные вещи. Ну и ну! Как глупо с их стороны, ведь именно этого мы и хотели!

Прилетев в Нью-Йорк, я и Дэвид вместе с другими пассажирами спустились по трапу и пошли к терминалу. Но,

едва заметив встречающих, перепрыгнули через заграждения и побежали.

Мы ожидали услышать раздающиеся вдогонку крики или свисток полицейского, но, похоже, нашего побега никто не заметил. Взяв такси, мы поехали на север. Счетчик отсчитывал километр за километром.

— Остановите на станции, — попросил я водителя, а Дэвиду шепнул: — Не отдавать же все деньги за такси. Поездом гораздо дешевле.

— Хорошо, — ответил он, — а куда мы поедем?

— Они подумают, что мы опять подались на юг, — произнес я. — Давай отправимся на север. Как насчет Хейверстро? Слышал, это неплохой городишко. Там можно купить туристическое снаряжение и потом уйти в горы.

— Я с тобой, — сказал Дэвид.

Приехав на поезде в Хейверстро, мы купили палатку, спальный мешок и отправились в горы. Стемнело рано. Сперва мы двигались вдоль дороги, но потом нам пришлось идти через кладбище.

В детстве меня учили, что Бога нет, жизнь — просто скачок эволюции, и после смерти ничего нет. Но те же люди говорили, что существует потусторонний мир — мир духов и привидений. У нас дома иногда проводились спиритические сеансы, где вызывали души умерших. К тому же я в то время часто смотрел фильмы ужасов. Все это внушило мне, что тем, кто попадает на кладбище ночью, да еще в полнолуние, живым оттуда не выбраться. Мне все время казалось, что оборотень или вампир вот-вот выскочит из земли и убьет нас.

Тогда я еще не знал, что в Библии сказано: «Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают» (Еккл. 9:5), а чуть дальше говорится, что в могиле нет знания (Еккл. 9:10). Мне также было неизвестно, что Христос сказал: мертвые будут покоиться в могилах, пока не воскреснут при конце света. Было

очень страшно идти по кладбищу, и я вздохнул с облегчением, когда мы оказались на приличном расстоянии от могил.

Когда вышла луна, стала видна тропинка, ведущая в горы. Чем выше мы поднимались, тем глубже становился снег. Мы выросли в городе и не понимали, что на вершине будет еще больше снега и, кроме того, гораздо холоднее. Наконец мы добрались до небольшой поляны, и я бросил палатку.

— Кажется, здесь не так уж плохо, — еле дыша сказал я.

— Ага! — согласился Дэвид. — Здесь нас никто не найдет. К тому же я жутко замерз и с ног валяюсь от усталости.

Снег отражал лунный свет, так что мы могли кое-что разглядеть, и принялись ставить палатку, а обретя «крышу над головой», забеспокоились о пустых желудках. И хотя пальцы заоченели от холода, нам все же удалось открыть банку с бобами и разогреть ее на походной горелке.

— Я не буду выключать горелку, — сказал Дэвид, когда мы поели. — Может, в палатке станет хоть чуть-чуть теплее.

Измученные, мы, не раздеваясь, забрались в спальный мешок, постепенно согрелись и, невзирая на то, что было очень неудобно, наконец уснули.

А через несколько часов проснулись в луже ледяной воды. Тепло от горелки и наших тел растопило снег под палаткой, и мы промокли до нитки. Окоченевшие, Дэвид и я выбрались из спального мешка и уставились друг на друга. Зубы стучали от холода, а одежда прилипла к телу.

— Не знаю, как ты, но я отсюда сматываюсь, — сказал я Дэвиду.

— Я тоже, — ответил мой друг. — А что будем делать с палаткой и спальным мешком?

— Бросим здесь. Спальный мешок мокрый и тяжелый. И мне слишком холодно, чтобы собирать палатку. Ну, пошли!

Спотыкаясь, мы стали спускаться по тропе, которую к тому времени еще больше занесло снегом. Кажется, я никогда не был таким замерзшим и несчастным.

Наконец мы добрались до города, но единственное, что еще было открыто, это небольшой бар-ресторан. Мы зашли внутрь и огляделись. Там было очень уютно и тепло. В конце зала стоял бильярдный стол, а у стойки бара мы заметили нескольких посетителей, которые ели гамбургеры и картофель фри. Они оторвались от еды и посмотрели в нашу сторону. Уверен, выглядели мы жутко замызганными, но так замерзли и проголодались, что нас это не волновало.

Взобравшись на стул у стойки, я заказал гамбургер и двойную порцию картофеля фри. Гамбургер проглотил, почти не разжевывая. К тому времени, как очередь дошла до картошки, я перестал дрожать, но еще лучше почувствовал себя, когда выкурил пару сигарет. Мы начали шепотом переговариваться.

— Неплохое местечко., — сказал я Дэвиду. — Давай останемся здесь. Мне больше не хочется выходить на холод.

— Но как? — спросил он. — Они скоро будут закрываться, и нам придется уйти.

— Поиграем в бильярд, — предложил я. — Деньги остались?

— Немного.

— Станем играть, пока не закончатся деньги, а потом что-нибудь придумаем.

Мы курили сигареты и играли в бильярд до закрытия. К тому времени наша одежда высохла, и мир уже не казался таким мрачным.

— Ребята, бар закрывается. Вам пора уходить, — сказал хозяин кафе извиняющимся голосом. Мы беспомощно переглянулись.

— Не можем, — выпалил Дэвид. — Я хочу сказать, что... нам некуда идти.

— Да. Мы ищем работу, — соврал я. — Работали в Нью-Йорке, но нас уволили, а на гостиницу нет денег.

Хозяин долго молчал, не зная, по всей видимости, что ответить. Потом велел подождать и направился в кухню, к жене, но вскоре возвратился.

— Хотите остановиться здесь на несколько дней? Вы можете пожить и поработать у нас. А потом, может, подыщете себе что-нибудь.

Дэвид и я с благодарностью приняли его предложение, радуясь теплу, сухой постели и пище. Однако через несколько дней хозяин узнал правду и выдал нас властям. Мы снова оказались в полицейском участке, и на этот раз нечего было даже пытаться провести офицеров — им каждый день приходилось иметь дело с ребятами вроде нас.

Вскоре они связались с нашими семьями. За Дэвидом на следующий день приехали родители, а меня полицейский доставил в нью-йоркский аэропорт, где уже ждала моя мама

— Спасибо, офицер, — сказала она. Я видел, что мама по-настоящему обижена и сердита.

— Как ты мог так поступить со мной, Даг? — воскликнула она. — Я делала для тебя все, что только могла. Больше мне этого не вынести! С этого дня будешь жить с отцом, билет я уже купила. Рейс через час.

Ожидая самолет, мы напряженно молчали. Маму было жаль. Хотя она надела солнцезащитные очки, легко было заметить, что глаза покраснели и опухли. Когда подали самолет, мы холодно попрощались. Плехнувшись в кресло и уставившись в окно, я был зол на самого себя и на весь мир. Меньше всего мне хотелось жить с отцом. Он такой строгий!

Приехал я угрюмым и подавленным, а в доме отца к тому же почувствовал себя нелюбимым и ненужным. На самом деле я просто не смог победить свою ревность к Бетти, моей мачехе, и ее сыну. Она очень старалась обходиться со мной хорошо, но я не давал ей ни малейшей возможности подружиться и в конце концов сделал жизнь в доме совер-

шенно невыносимой. Тогда Бетти поставила отцу ультиматум: «Или Даг уйдет, или я». Ее категоричность никого не удивила.

Папа переселил меня в одну из своих гостиниц, и каждый день присылал за мной машину. Согласно новому распорядку, мне полагалось полдня работать в аэропорту в ангарах отца, а полдня учиться в школе. Я чувствовал себя рабом, у которого отобрали возможность распоряжаться собственной жизнью, и это приводило меня в бешенство!

Вскоре директор стал звонить отцу и докладывать, что я пропустил занятие, не сделал домашнее задание или сорвал урок. Тогда папа вез меня в ресторан, и мы беседовали. Мне нравилось, как он говорил со мной. Было видно, что он беспокоится обо мне, но ему трудно выражать чувства.

Однако одну мысль он выражал совершенно четко: если я не стану послушным, меня ждет исправительная школа. Было видно, что отец не шутит. Я снова попытался изменить поведение, но в конце концов мне это надоело, и я опять сбежал.

Не прошло и суток, как у меня снова начались неприятности. Мы с моим другом Джо решили поплавать в океане. Ни у него, ни у меня не было с собой плавок, но, поскольку уже стемнело, решили искупаться нагишом. Около получаса мы плавали под мостом, а затем я сказал:

— Что-то кушать хочется. Давай заберем одежду, спрячемся вон в том заброшенном здании и подождем, пока обсохнем.

Мы вылезли из воды, схватили одежду, стремглав бросились к старому дому и проскользнули внутрь. Отворяясь, входная дверь скрипнула.

— Что-то ветер усиливается, — сказал Джо. — Послушай, как хлопают ставни.

— Я заметил. Давай поищем, чем бы нам вытереться. Надо одеться, пока никто не пришел посмотреть, что тут за шум.

Мы стали рыскать по комнате в поисках полотенца, как вдруг дверь распахнулась и вошли двое полицейских!

К своему стыду, должен признать, что меня арестовали за непристойный вид. Я чуть не умер от стыда, но вел себя вызывающе. Нас забрали в участок и допросили, пытаюсь установить, кто мы такие, но я тщательно скрывал свое имя, понимая, что как только оно станет известно, меня отправят к отцу. Но этого-то я больше всего и боялся, поэтому сказал, что меня зовут Адам Фишер, а приехал из Нью-Йорка.

Меня держали в тюрьме почти неделю. Я начал задумываться, не совершил ли ошибку: в этой тюрьме белых было совсем немного, а негры и кубинцы обращались с нами довольно жестко, но я держался изо всех сил. Полицейские допрашивали каждый день, пока однажды я случайно не упомянул название школы, в которой действительно учился. Всего за несколько часов они выяснили мое имя и сообщили все отцу.

Со вздохом я забрался в новый отцовский «Линкольн». По дороге он не проронил ни слова, но мы оба знали, что находимся в тупике.

Родители обсудили сложившуюся ситуацию.

— Дагу нужна школа, где он мог бы выразить себя, — утверждала мама. — Я нашла такую: экспериментальная свободная школа в штате Мэн. Она называется Пайнхиндж. Там исходят из идеи, что дети охотно выучат то, что для них важно. Ты знаешь, что Даг никогда не будет заниматься тем, что ему неинтересно. Эта школа словно создана для него!

Мама всегда была готова испробовать новое, и отец, хоть и предпочитал школы с жесткой дисциплиной, все же дал себя уговорить, ведь его методы тоже не сработали.

Свободен наконец!

Мама очень радовалась, отправляя меня в Пайнхиндж.

— Тебе здесь точно понравится, Даг! Можешь выбирать любые уроки, здесь нет обязательных предметов. Можешь изучать что угодно и когда угодно. Это «свободная» школа.

«Звучит неплохо», — подумал я. В действительности школа оказалась еще более «свободной», чем мы себе представляли. Учителями здесь были беззаботные хиппи, и в школе было всего три правила, которые все нарушали: запрещались наркотики, секс и драки.

Общежитие было общее — по желанию парни и девушки могли жить вместе, в одной комнате. Всего здесь училось около сорока человек от восьми до восемнадцати лет. Можно было не вставать утром, если не хотелось, не ходить на занятия, если не было желания, и не кушать, если нет аппетита. Последнее, кстати, и привело к тому, что школу в конце концов закрыли.

Нам сказали, что мы можем учиться, чему пожелаем. Мы так и поступали: учились нюхать клей, делать пиво и наркотики. Если хотели, на уроках курили сигареты или марихуану.

В Пайнхиндже я познакомился с Джейм, парнем из Бруклина, который посвятил меня в некоторые тонкости краж со взломом. У нас с ним было много общего. Его мама, как и моя, была еврейкой. Отца убили — он был свя-

зан с мафией. Хотя пятнадцатилетний Джей был довольно смышленным, единственное, что он мог прочесть, это слово СТОП на дорожном знаке. Говорил он с ужасным бруклинским акцентом, который даже выходцы из Нью-Йорка понимали с трудом, и, на мой взгляд, был еще более распушенным, безрассудным и склонным к самоубийству, чем я. Зимними вечерами он водил меня по заброшенным дачам на севере штата Мэн и учил, как забираться в дома и где прятать награбленное.

Поскольку на занятия можно было не ходить, в классе мы появлялись очень редко. Я просто убивал время, общаясь с друзьями и бегая за девушками. Но уроки физкультуры посещал, особенно когда катались на лыжах. У большинства из нас был сезонный абонемент на лыжную базу Мт. Абрамс, и учителя возили нас туда трижды в неделю. В тот год я неплохо научился кататься на лыжах. Мы с Джейем, бывало, курили марихуану, поднимаясь на кресельном подъемнике, а потом чего только ни вытворяли при спуске с горы! Нас не беспокоило, что так можно получить травмы или даже разбиться. Я подговаривал его прыгнуть с высоты, и он прыгал! Потом он находил место еще выше и подбивал меня. Мы часто теряли равновесие и падали, но почему-то у нас никогда не было серьезных травм.

Однажды я заметил на школьной доске объявлений такую афишу:

УПРАВЛЕНИЕ РАЗУМОМ

Вы научитесь:

- Выигрывать в лотерею,
- Исцелять людей,
- Контролировать события и свою жизнь.

«Звучит заманчиво, — подумал я. — Надо сходить».

Оглавление

Глава 1	Уйти с триумфом	3
Глава 2	Военное училище	9
Глава 3	Беглец	16
Глава 4	Свободен наконец!	26
Глава 5	Тайная пещера	34
Глава 6	Преступление того не стоит	43
Глава 7	В открытом море.	48
Глава 8	В пути	57
Глава 9	Арабы наступают!	61
Глава 10	В Нью-Мексико и обратно.	71
Глава 11	Открывая истину	84
Глава 12	Герой дня	93
Глава 13	Хождение по церквам.	100
Глава 14	Если не получится сразу	111
Глава 15	Но, Господи, я никогда не смогу стать проповедником!	121
Глава 16	Индийские сказки	125
Глава 17	Домой	136
Глава 18	Скала, которая не поколеблется	150